

Кривая гуманитария, исповедь технаря

Мне 30 лет. В этот промежуток времени мне удалось уложить свое взросление, окончание школы, обучение в Менделеевском химико-технологическом институте по не самой распространенной и востребованной специальности — химии и технологии энергоемких соединений, аспирантуре ИОХ РАН, магистратуре философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В аспирантуре и магистратуре мне посчастливилось учиться параллельно, в результате чего защиты магистерской по философии и кандидатской по химии проходили в один год с разницей в месяц. На данный момент мне удастся совмещать работу научным сотрудником ИОХ РАН, преподавателем органической химии в одном из вузов и обучение на историческом факультете МГУ. Как так получилось мне самому иногда не совсем ясно. Зачем такой сложный путь? Мне интересно, как устроен мир в максимально широком спектре своих проявлений. Химия началась с биологии, точнее с безобидного детского желания вырастить из лукавицы зеленый лук. Тогда, да и сейчас тоже, такая трансформация казалась мне удивительной, и очень хотелось узнать, как это происходит и почему. Биолога из меня в конечном итоге не вышло, а вот интерес к атомам, молекулам и их трансформациям остался. Ближе к концу школьного обучения у меня проявился интерес к гуманитарным дисциплинам, а точнее просто к чтению. Я даже полгода пытался учиться в гуманитарном классе, однако в какой-то момент настало время писать первую самостоятельную работу, которая была — таки мной выполнена, но она мне настолько не понравилась, что я отказался от продолжения обучения по гуманитарному направлению. Курса до второго чтения про-

ходило в беспорядочном режиме — я хватал с полки первую попавшуюся книгу, прочитывал ее, ставил обратно, далее процесс повторялся. Но в какой-то момент стал замечать сильнейшую фрагментированность своих знаний по литературе и смежным областям, что мне почему-то очень не понравилось. За помощью

я обратился к дяде, который закончил в свое время филологический факультет МГУ. Он и посоветовал мне читать книги в хронологическом порядке и выдал список, что надо было освоить. Основная масса текстов была античного происхождения. Сказать, что греки и римляне меня удивили — это ничего не сказать. На тот момент я был в полном восторге: начиная от изысканных элегий Овидия и откровенных стихов Сапфо, часть из которых до сих пор помню наизусть, заканчивая философскими одами Горация. Собственно тогда я и столкнулся первый раз с философией, сам того не осознавая. Второй раз встреча с ней произошла несколько лет спустя во время разговора с дядей, который заявил, что развитие может быть двух вариантов — эволюционное и революционное. На тот момент я не знал, что на это ответить, но сама постановка вопроса заинтересовала. Некоторое время спустя на меня сильно повлиял К. Кастанеда (это было уже после того, как спал ажиотаж вокруг его книг), но не своими кактусово-грибными трипами, от которых приходила в неистовый восторг основная масса читателей, а теми размышлениями о знаниях, обучении и взгляде на мир, которыми плотно набиты его книги. Не сказать, что я был во всем согласен, но его книги заставляли думать и размышлять, заставляли сравнивать и искать, искать то, о чем сам имеешь весьма смутное представление. Как ни странно, одним из ключевых эпизодов, сыгравший важную роль в моем «повороте к философии», стал вступительный экзамен по философии в аспирантуру. Тут нужно отметить, что ситуация в аспирантуре ИОХ РАН выгодно отличается от положения дел в других заведениях: люди, ею заведующие, во-первых снимают значительную часть бюрократических проблем с плеч молодых людей, во-вторых, всячески помогают в течение всей аспирантской жизни, начиная с поступления и заканчивая получением диплома кандидата наук. Так вот, за годы обучения предыдущих поколений накопилось определенное количество неплохих материалов по философии, которые были выданы мне для подготовки. Тогда мне впервые пришлось столкнуться с курсом истории философии, который очаровал меня не меньше, чем античность в свое время. После кратко-

го курса истории философии, я решил расширить свои знания и купил четырехтомник по истории философии под редакцией Дж. Реале и Д. Антисери. Где-то на середине третьего тома я, во-первых, понял, что забыл почти полностью предыдущие два, а во-вторых, мне показалось, что слишком много и часто ссылаются на Платона и обсуждают его идеи, поэтому мне казалось разумным освоить Платона прежде, чем браться за перечитывание. Собственно — это и была моя самая большая «ошибка», потому что после Платона сложно интеллектуально не полюбить философию и не быть захваченным в ее цепкие лапы. Осознав, что я мало что понял, я пришел к выводу, что философия требует систематичности изучения, а это прямая дорога на студенческую скамью. На тот момент в университете было два варианта обучения — двухлетняя магистратура и пятилетний, кажется, специалитет. Второй вариант меня тогда не устраивал из-за немалого ценника и длительности обучения, поэтому магистратура оказалась оптимальным вариантом. Мне повезло с преподавателями: в магистратуре курсы в основном читали одни из лучших специалистов в своих областях, которые относились к нам несколько иначе, чем к «классическим» студентам. Здесь надо сделать уточнение — дело в том, что моя группа, в которой сначала было 14 человек, в основном была возраста 30+. Это позволяло занятиям проходить в более раскрепощенной обстановке и затрагивать более широкий круг проблем (одно из первых занятий, например, началось с фразы: «люди — дерьмо на блюде»). Если к этому присовокупить немалое число интереснейших дисциплин, дискуссий, литературы и внеуниверситетских встреч, то можно смело констатировать, что эти два года были одним из самых интеллектуально насыщенных периодов моей жизни. Конечно, есть определенные недостатки в такой системе обучения, ведь очевидно, что освоить историю философии и ряд других дисциплин за два года не представляется возможным, как и стать профессиональным философом. Однако как человек, который учится не первый год, я вынес для себя два принципиальных момента. Первое: основной объем знаний приобретается самостоятельным систематическим тру-

дом; второе: для того чтобы не заблудиться в огромном массиве информации той или иной дисциплины, нужен наставник, который сможет показать и передать метод работы и продемонстрировать то, как мыслит, а точнее как может мыслить профессионал, например, в философии. В этом отношении мне не на что жаловаться, что в философии, что в химии у меня было два прекрасных научных руководителя.

К сожалению, обучение философии вне профессионального сообщества находится в весьма плачевном состоянии. Как правило, преподаватели не знают о чем разговаривать со студентами или аспирантами и предлагают им довольно занудный курс, а те в свою очередь часто воспринимают философию утрированно, как постижение очень сложных, тщательно законспирированных, сакральных знаний и туманных тайн бытия. Да и не только студенты и аспиранты, я неоднократно сталкивался с пренебрежительным отношением и непониманием философии среди научных сотрудников старшего поколения. Редко люди задумываются, что в философии есть свое проблемное поле с набором конкретных вопросов и задач, которые желательно решить и, что самое главное, в поиске решений есть продвижение вперед и делаются значительные успехи. Если обобщить, то любая наука, в том числе и философия, начинается с удивления. Удивления тому, что из семечка вырастает подсолнух, солнце утром светит снова, а при смешении двух жидкостей выпадает осадок, который потом взрывается. Преподаватели философии в большинстве не могут, а может и не хотят философски удивить аудиторию.

А это сделать можно. Взять, например, историю философии: в ней можно показать идеи в развитии, показать, что в этом развитии есть своя логика, что человечество не родилось с кажущимся нам сегодня естественным набором постулатов, правил и знаний о самих себе и мире, а что это результат длительной и кропотливой умственной работы многих поколений философов (и не только) и что терминологическая сложность и витиеватость рассуждений проистекает не из-за желания выделиться и быть особенным и непонятным, а из-за сложности проблем, которые обсуж-

даются. Мне кажется, что это и есть основная задача «занятий по философии». Важно донести, что сложность философских текстов — это трудность первого этапа ознакомления с областью. Что постепенно, когда смысл начнет прокрадываться сквозь тяжесть словесной формы, чтение станет доставлять удовольствие, а понимание того, что заложено, иногда может вызывать даже восторг и восхищение, что можно было подумать, оказывается, и так. Если взять аналогию с музыкой, то философия — это сложное, многочастное, длинное произведение для большого оркестра, которое при первом прослушивании не раскрывает себя, вся красота которого заключается в тонких деталях, переплетении звуков и взаимодействия инструментов. И вообще философия — это про то, как можно мыслить еще и иначе, мыслить во многих и разных образах, категориях и правилах. В этом одна из ее ценностей. Философия, раскрывая свои карты, удивляет не меньше, чем другие науки и часто позволяет взглянуть на свою профессиональную область иными глазами и под другим углом, удивиться тому, что стало обыденным и каждодневным, удивиться, например, химии.

Алексей Воронин
Иллюстрация MW